

и подойти к нему по-другому: создать такой преобразователь, чтобы перейти прямо от ядерной энергии к электрической. Это было бы решением вопроса.

Я должен остановиться и на другом вопросе. ЦЕРН нам показал в этом отношении пример. Карло Руббиа предложил создать атомную электростанцию с помощью ускорителя. Пересказывать не буду, вы это хорошо знаете. Идея чрезвычайно интересна. Ускоритель работает. Если вы отключили электрическую энергию, ускоритель заглох, все остановилось. Никакой опасности — она исключена. Я считаю, что в Объединенном институте должны поработать над этим вопросом, может быть, в контакте с ЦЕРНом. Это было бы очень неплохо. От Объединенного института как от научной организации требуется теоретическая проработка идеи, понимание этого дела с тем, чтобы потом передать разработки соответствующим организациям. Мне очень хотелось высказать эти предложения, чтобы Объединенный институт подключился к этой проблеме.

На этом я заканчиваю и хочу пожелать всем здесь присутствующим новых творческих успехов и, конечно, здоровья. Спасибо вам всем.

Брестская крепость на Волге¹

Из интервью директора ОИЯИ академика РАН В.Г.Кадышевского корреспонденту «Литературной газеты» В.Губареву

В нескольких десятках километров от Дубны в зимние месяцы президент России В.Путин иногда катается на лыжах. А так как человек он мобильный, подчас непредсказуемый, то близость его к Дубне держит здешнее начальство в напряжении: вдруг ему надумается заехать?!

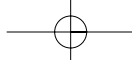
Уже несколько раз навещали Дубну и Институт сотрудники службы охраны, «изучали обстановку». Пришлось кое-где «навести порядок», то есть подремонтировать дороги, подкрасить стены, убрать мусор. Однако высокий гость пока не пожаловал, и это дало мне право задать директору Объединенного института ядерных исследований академику Владимиру Георгиевичу Кадышевскому такой вопрос:

Если вдруг президент приедет, что вы ему расскажете?

Я бы рассказал Владимиру Владимировичу, что Дубна — это единственный российский город, название которого увековечено в таблице Д.И.Менделеева. В августе 1997 года Международный союз чистой и прикладной химии на своей Генеральной ассамблее решил присвоить химическому элементу с атомным номером 105 имя «дубний». При этом был принят во внимание приоритет ОИЯИ в открытии этого элемента и основополагающий вклад нашего Института в сами работы по синтезу сверхтяжелых элементов.

Мне бы хотелось, чтобы президент приехал в Дубну и увидел успешно работающий международный научный центр, единственный, кстати, в нашей стране. Это подняло бы ему настроение. Между прочим, я уже дважды приглашал президента Путина посетить ОИЯИ. Первый раз устно в мае 2000 года, когда познакомился

¹ «Литературная газета», № 23 (5880) 5–11 июня 2002 г.

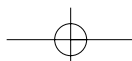
с ним лично (я был тогда его доверенным лицом на президентских выборах). Второй раз я направил Владимиру Владимировичу официальное приглашение нанести нам визит, воспользовавшись приездом в Дубну Георгия Полтавченко, полномочного представителя президента по Центральному федеральному округу. Вскоре стало известно, что посещение Дубны внесено в рабочий график президента. И город, и Институт начали готовиться к приему высокого гостя. Однако что-то помешало этим планам осуществиться.

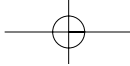
Как удалось ОИЯИ, общему научному центру социалистических стран, пережить распад социалистического лагеря? Уже более десяти лет нет ни Варшавского Договора, ни Совета экономической взаимопомощи. Канул в Лету и Советский Союз...

Хотя в политическом плане образование ОИЯИ социалистическими странами было ответной реакцией на образование ЦЕРНа западноевропейскими странами, можно сказать, что политика на этом и закончилась. Очень важно, что в основу деятельности нашего Института были положены принципы, имеющие общечеловеческую ценность: открытость для новых членов, взаимовыгодность, равные права всех стран-участниц, использование научных результатов только в мирных целях. Все это и обеспечило его «живучесть». И еще я бы хотел добавить, что с самого момента своего возникновения ОИЯИ был «обречен на успех», поскольку в Дубну приехали выдающиеся ученые с плеядой блестящих учеников. В этот «десант» входили замечательные научные школы Дмитрия Ивановича Блохинцева, Николая Николаевича Боголюбова, Владимира Иосифовича Векслера, Вацлава Вотрубы (Чехословакия), Мариана Даныша (Польша), Георгия Николаевича Флёрва, Ильи Михайловича Франка и других замечательных физиков. Результат не замедлил сказаться. Половина открытий, сделанных в ядерной физике в советские времена, принадлежала дубненским ученым. Дубна служила кузницей научных кадров для государств – членов ОИЯИ. Во многих из этих стран современная ядерная физика возникла только потому, что оттуда в свое время к нам приехали молодые начинающие физики. Домой они возвращались уже отличными специалистами, способными самостоятельно руководить научными исследованиями.

Слово о «Школе Дубны»

В ОИЯИ длительное время работали: профессор Нгуен Ван Хьеу, президент Национального центра научных исследований Вьетнама; профессор Чжоу Гуанджао, более 10 лет возглавлявший Академию наук Китая; академик Анатолий Алексеевич Логунов, занимавший в течение многих лет посты вице-президента АН СССР и ректора МГУ (в настоящее время – директор Института физики высоких энергий в Протвино); академик Альберт Никифорович Тавхелидзе, президент Национальной академии наук Грузии, научный руководитель Института ядерных исследований РАН; академик Виктор Анатольевич Матвеев, руководитель Троицкого научного центра РАН, директор ИЯИ РАН, член Президиума РАН; профессор Норберт Кроо, Генеральный секретарь Венгерской академии наук; академик Бехзад Юлдашев, президент Национальной академии наук Узбекистана; профессор Иван Вильгельм, 506-й ректор Карлова университета в Праге, основанного в 1348 году.

При организации ОИЯИ в качестве «рабочего названия» нашего Института в документах использовалось следующее: Восточный центр ядерных исследований. Окончательное название якобы придумал академик Игорь Евгеньевич Тамм. Я имел счастье с ним тесно сотрудничать в течение 10 лет, но мне как-то не пришлось в голову спросить у него об этой истории. Игорь Евгеньевич даже был оппонентом по моей кандидатской диссертации и приезжал на защиту сюда, в Дубну.

А когда это было?

Очень давно, в 1962 году. Я был аспирантом у Николая Николаевича Боголюбова, а потому я общался с двумя великими людьми, и это во многом определило мою судьбу... Хотя был еще и Лев Давидович Ландау, у которого я начинал...

К сожалению, в его судьбе поездка в Дубну сыграла ужасную роль... Когда я еду сюда, то обязательно останавливаюсь в том месте, где случилась та страшная автомобильная авария, в которой пострадал академик Ландау. Мне кажется, там следует установить какой-то знак, чтобы все об этом знали!.. А как вы познакомились с Ландау?

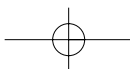
В середине третьего курса я начал сдавать его знаменитый «минимум» и к концу лета сдал половину. Незадолго до этого образовался ОИЯИ, и один из преподавателей сказал нам тогда, что Москва — это научная провинция, а столица теперь — Дубна, и поэтому старайтесь туда попасть! Я этому совету внимал и оказался здесь. Впервые приехал сюда студентом, а потом у академика Боголюбова был два года аспирантом. Лев Давидович на меня не обиделся и даже предложил зачесть сданные ему экзамены за кандидатский минимум. «Только пусть председателем комиссии буду я, а Николай Николаевич — ее членом», — добавил он с улыбкой. Так в моих руках оказался совершенно уникальный экзаменационный протокол, подписанный двумя великими учеными XX века...

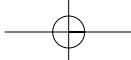
Я работаю в Дубне уже больше 40 лет. Сначала был научным сотрудником, потом старшим, затем начальником сектора. Пять лет работал директором Лаборатории теоретической физики, носящей ныне имя Н.Н.Боголюбова. Последние десять лет — директор Института.

Слово об учителе

Еще при его жизни у некоторых весьма крупных ученых было заблуждение (называют, в частности, Винара), что под фамилией Боголюбов с именем и отчеством Николай Николаевич работают несколько крупных математиков и физиков, потому что трудно было вообразить, что один человек мог сделать так много. Но тем не менее это факт: такой гигант был.

К ученым подобного масштаба, одаренным Природой столь щедро и мощно, наиболее точно подходит определение «гениальный». Это был истинный творец. Мастер в булгаковском смысле этого слова. Конечно, обладая таким уникальным талантом, он мог бы замкнуться в уединении и заниматься всю жизнь любимой наукой. Однако сложилось иначе. Одним из высших принципов, которым руководствовался Н.Н.Боголюбов в своей жизни и деятельности, было служение людям.

Он щедро раздавал свои идеи ученикам, помогая им обрести самостоятельность и уверенность в себе. Так возникли знаменитые научные школы Боголюбова. Они живут и здравствуют поныне, они жизнеспособны, потому что в них очень многое заложено их Учителем.

Вы фактически прошли все ступени научной лестницы. А где протекали ваши школьные годы?

Я закончил суворовское училище в Свердловске. Теперь это, правда, Екатеринбург.

Было нечто, что запомнилось особо?

Я дважды разговаривал с маршалом Жуковым...

Фантастика!

Он был командующим Уральским военным округом и приезжал к нам с явным удовольствием. Ну и я, как и другие ребята, задавал ему разные вопросы, сейчас уже не помню, какие именно, однако сам этот факт запомнился на всю жизнь...

Хорошо помню, как в конце июня 1954 года в газетах появилось сенсационное сообщение о запуске в СССР первой в мире атомной электростанции. Оно очень взволновало меня и послужило толчком для моих дальнейших действий. Я не знал тогда, что всеми работами по сооружению первой АЭС руководил Дмитрий Иванович Блохинцев, которому через два года будет поручено возглавлять Объединенный институт ядерных исследований в Дубне. Не мог я и предполагать, что в конце июня 1992 года я буду избран на этот же пост...

Недавно я читал публичную лекцию об элементарных частицах в МГУ, и самым приятным было для меня то, что пришли кадеты...

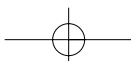
Насколько мне известно, губернатор Громов выделяет Дубну из других городов Подмосковья?

Я могу подтвердить, что он очень хорошо относится и к Институту, и к городу. А нашему университету «Дубна» он присвоил статус «губернаторского» и шефствует над этим учебным заведением.

Прежде чем говорить о нем, несколько слов о Дубне. Ведь недавно она провозглашена «наукоградом», не так ли?

Фактически «наукоградом» Дубна была с момента своего возникновения, то есть все эти 46 лет. Но говоря языком юридическим, в стране мы третий по счету «наукоград», после Пушина и Королева. Оформляется это указом президента и распоряжением правительства. Новый статус позволит получать целевое финансирование из федерального и областного бюджетов, оставлять в городе часть налогов и расходовать все эти средства на развитие городской инфраструктуры и инновационную деятельность.

Вас избирали директором Института представители 18 стран в тот самый момент, когда денег вообще не было и перспективы были абсолютно неясными: возможно, речь шла даже о закрытии Института?

Да, денег не хватало ни на зарплату, ни на электроэнергию для работы наших установок... И подобные кризисные ситуации в прошедшие десять лет возникали не раз. Денег и сейчас у нас немного. Однако, как я уже говорил, наш Институт обладает удивительной живучестью. Мы старались во что бы то ни стало сохранить мировой уровень исследований, проводимых в ОИЯИ, участвовать в крупномасштабных проектах и экспериментах, осуществляемых за пределами Дубны, поддерживать новые контакты с нашими традиционными партнерами и вовлекать во взаимовыгодное сотрудничество новых участников. В этом и состоит наш способ выживания! Представьте себе, что все эти 10 лет в Дубне ежегодно проводилось примерно 60 научных мероприятий разного масштаба – международных конференций, школ молодых ученых, симпозиумов, рабочих совещаний и т.п. Это чаще, чем раз в неделю! Если наука делается на мировом уровне, то можно найти партнеров за рубежом, в экономически благополучных странах. В результате такого международного сотрудничества в Дубне реализуются проекты, на которые у нас собственных средств не хватило бы...

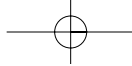
Ну а как обстоит дело с «утечкой мозгов»?

Известно, что многие из российских ученых, которые предпочли науке бизнес или уехали в Западную Европу и США, пошли на такой шаг потому, что не смогли «самореализоваться» у себя на родине. Те люди, которые родились на свет, чтобы посвятить себя науке, готовы примириться со многими лишениями и неудобствами, лишь бы заниматься любимым делом и осуществить свои идеи. И мы в Институте стараемся создать для наших ученых такие условия, которые позволили бы им реализовать себя в профессиональном плане, целиком использовать свой творческий потенциал.

Возьмем, например, Лабораторию ядерных реакций имени Флёрва. Ее руководство разработало стратегически обоснованную, очень напряженную программу исследований, в которую ученые, инженеры и техники ЛЯР поверили и начали самоотверженно воплощать ее в жизнь. В результате сейчас ЛЯР занимает ведущее место в мире в работах по синтезу сверхтяжелых элементов. На подходе и другие столь же яркие достижения. Между прочим, Борис Громов уже второй раз выделяет в качестве «гранта губернатора» весьма значительные денежные суммы, предназначенные для научных исследований в ЛЯР имени Флёрва.

Да, эта лаборатория – прекрасный пример того, что ОИЯИ продолжает действовать...

Мы гордимся и другими нашими лабораториями. У нас многие коллективы заслуживают того, чтобы о них знали. Например, в это десятилетие в Лаборатории высоких энергий был запущен новый ускоритель ядер – нуклотрон, имеющий сверхпроводящую обмотку магнитов. Во время последних сеансов на нуклотроне было осуществлено 14 экспериментов. Другими словами, ЛВЭ обладает новой рабочей машиной. Жаль, что с нами уже нет академика Александра Михайловича Балдина, создателя нуклотрона. Согласно недавнему решению Комитета полномочных представителей стран-участниц ОИЯИ, высшего руководящего органа Института, ЛВЭ будет впредь именоваться так: «Лаборатория высоких энергий имени академиков Векслера и Балдина». Тем самым отдана дань памяти Владимиру Иосифовичу Векслеру, основателю ЛВЭ, создателю знаменитого синхрофазотрона, и Александру Михайловичу Балдину, руководившему лабораторией около 30 лет и создавшему нуклотрон...

Крупные достижения мирового класса есть сегодня и у теоретиков. Это продолжение славных и богатых традиций. Вспомним хотя бы глубокую идею, выдвинутую в середине 60-х годов Боголюбовым, Струминским и Тавхелидзе, о наличии у кварков новой степени свободы, названной позднее «цветом». Или правило кваркового счета, открытое Матвеевым, Мурадяном и Тавхелидзе в 1973 году...

Поясню для непосвященных: кварки — это «кирпичики мироздания», из которых складываются протоны, нейтроны, пи-мезоны, гипероны... Далее углубляться не будем, так как в физическом лабиринте очень легко запутаться...

Несколько лет назад физики, специалисты в области высоких энергий, вели безуспешную охоту за так называемым топ-кварком, шестым и последним по счету в этом семействе частиц, причем самым тяжелым. Группа теоретиков, в которой ключевую роль играли ученые из дубненской Лаборатории теоретической физики им. Боголюбова, предсказали довольно узкий интервал значений масс, где нужно было искать топ-кварк. Там эту частицу и нашли экспериментаторы из американской Национальной ускорительной лаборатории имени Ферми. Если учесть, что расчеты массы топ-кварка велись по так называемой «теории возмущений», то невольно возникает аналогия с другим блестящим открытием «на кончике пера», совершенным французским астрономом Леверье более 150 лет тому назад. Исследуя возмущения орбиты Урана, он предсказал существование неизвестной ранее планеты Нептун и вычислил ее орбиту и положение... Итак, наши теоретики продемонстрировали уровень исследований высочайшего класса.

Нобелевская премия?

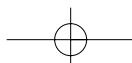
Я думаю, что за топ-кварк вполне могут дать Нобелевскую премию. Вопрос в том, кто будет включен в авторский коллектив. В наше время эта премия слишком политизирована.

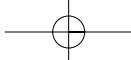
Слово об ОИЯИ

Широкий спектр научных исследований, ведущихся в ОИЯИ, мы обычно подразделяем на три основных направления. Первое из них — физика высоких энергий (или физика элементарных частиц). Ученые Института вели или сейчас ведут эксперименты не только в Дубне, но и на ускорителях других научных центров. С целью концентрации исследований в этой области в 1990 году в Институте была организована Лаборатория физики частиц.

Второе направление — исследования по ядерной физике. В Дубне реализуется широкая программа по изучению свойств ядер, ядерных реакций, новых элементов, в том числе трансурановых и сверхтяжелых. Наш Институт является одним из мировых лидеров в этой области.

Третье направление наших исследований — физика конденсированных сред. Это быстро развивающаяся область фундаментальной науки, связанная с использованием экспериментальных методов ядерной физики для изучения физических явлений в твердых телах, жидкостях, новых свойствах материалов.

Публикации ОИЯИ рассылаются в 44 страны. Своими успехами Объединенный институт во многом обязан широкому научно-техническому сотрудничеству, которое является одним из главных принципов его деятельности.

Итак, Вас избирают директором, и Вам предстоит возглавить знаменитый научный центр, который переживает нелегкие времена. Вы входите в директорский кабинет. Ваши действия?

В этом кабинете работали великие предшественники. Первым директором, как я уже говорил, был Дмитрий Иванович Блохинцев, выдающийся физик-универсал с мировым именем. Его сменил на этом посту Николай Николаевич Боголюбов, мой учитель. Мне кажется, что он и сейчас присутствует здесь. Таким образом, первым ощущением было: место знакомое. Ведь в этом кабинете проходило много дискуссий с моим участием. С самого начала я старался сохранить тот «дух высокой науки», который царил здесь. Мне предстояло реализовать программу, с которой я выступал на выборах директора. Один из главных ее разделов был посвящен образованию. В частности, я предлагал открыть в Дубне международный университет.

Многие ученые считают, что именно от уровня развития образования сегодня зависит будущее нашей науки.

По-моему, это правильная идея. Причем подготовку научной смены мы должны взять в свои руки. Кажется естественным, чтобы рядом с таким международным центром, как ОИЯИ, поддерживающим научные связи с 60 странами, находился международный университет. Со временем одним из рабочих языков в нем должен стать и английский.

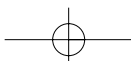
Международный университет в нашем городе был открыт в 1994 году благодаря совместным усилиям областной и городской администраций, Российской академии естественных наук и, разумеется, ОИЯИ. Полное название его – нетрадиционное: Международный университет природы, общества и человека «Дубна». Как я уже говорил, этот вуз пользуется особым покровительством губернатора Бориса Громова.

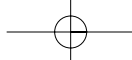
А студенты?

Их в университете «Дубна» насчитывается уже полторы тысячи. Абитуриенты приезжают из Подмосковья, из других регионов России, а также из зарубежных стран. Я уже упомянул, что в структуру самого Института входит учебно-научный центр. Здесь «доучиваются» приехавшие в Дубну студенты-третьекурсники нескольких ведущих московских вузов и ряда университетов стран-участниц ОИЯИ, например, Польши, Словакии, Монголии. Есть у нас и своя аспирантура. Лаборатории ОИЯИ для студентов и аспирантов являются прекрасным практикумом. В целом сильный крен в сторону образования в Дубне прослеживается отчетливо.

А что это дает научным работникам?

Это позволяет растить научную смену, передавать следующему поколению ученых заветную эстафетную палочку. Где образование, там и наука, там и прогресс во всех областях. После поражения Франции в войне с Пруссией в 1870–1871 годах в Европе бытовала поговорка, что эту войну выиграл немецкий школьный учитель. Очевидно,

что чем выше уровень образования в стране, тем она сильнее. Помню, как много лет назад в одном из американских университетов к нашей делегации подошел профессор физики и, представившись, сказал, что он «дитя нашего спутника». Оказалось, что его школьный учитель физики после запуска в СССР первого спутника в 1957 году собрал самых способных учеников и рекомендовал им серьезно сосредоточиться на изучении точных наук, ибо Америка явно в этой области уступает Советскому Союзу. Кстати, за дубненскими аспирантами в США имеется очередь.

Это Вас радует или беспокоит?

И то, и другое. Радует, что наше образование, отличающееся широтой и фундаментальностью, все еще высоко ценится в мире. Я знаю об этом не понаслышке, поскольку более 30 лет являюсь профессором МГУ. Беспокойство же у меня вызывает проблема удержания и закрепления у нас талантливых молодых ученых. Помимо создания нормальных условий для их профессиональной работы и дальнейшего роста, необходимо обеспечить их престижной зарплатой и жильем. Замечено: как только повышаются зарплаты, молодые сотрудники чаще появляются на рабочем месте. Ведь прожить нормально на те деньги, которые они получают, чрезвычайно затруднительно. Поэтому им приходится подрабатывать на стороне, в том числе и за рубежом. Для страны (или для 18 стран, как в нашем случае) выгоднее платить молодым ученым хорошую зарплату. Потери оказываются меньшими. Проблему удержания в стране талантливой научной молодежи я бы обязательно обсудил с президентом, если бы он к нам приехал.

Много лет назад я продолжительное время работал в Фермиевской ускорительной лаборатории США и постоянно общался с ее директором профессором Робертом Вилсоном. Это был очень крупный ученый, чрезвычайно интересный и глубокий человек. Помню, сравнивали Россию и Америку. Америка — молодая динамичная страна. Российская академия наук старше ее на десятки лет... И вдруг он замечает: «У вас был Лобачевский...»

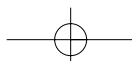
Этим очень многое сказано... Чтобы у нас появлялись новые Лобачевские, нужно сохранить в системе образования все хорошее и оправдавшее себя, не пытаться реформировать эту систему в спешке. Иначе можно быстро превратиться из великой научной державы во второразрядную научную провинцию. Ну а чтобы новые Лобачевские, получив образование дома, не уехали работать туда, где больше платят и нет проблем с жильем, необходимо... Впрочем, я уже об этом говорил.

Что будет с Объединенным институтом ядерных исследований в будущем? Из Вашего ответа я хочу понять, есть ли в Дубне оптимисты.

Один из них перед Вами. Как-то лет восемь тому назад к нам приезжал Егор Гайдар. Он тоже задал мне вопрос о будущем Института. Я ответил экспромтом: «Мы как Брестская крепость, только на Волге. И мы выстоим». С тех пор этот образ не выходит у меня из головы.

Какие имеются перспективы для увеличения количества участников Института?

В работе ОИЯИ, помимо государств-членов, активное участие принимают Германия, Италия, Франция, Венгрия... Мы связаны с ними двусторонними соглашениями.

ми, заключенными либо на правительственном, либо на эквивалентном ему высоком уровне. Сотрудничество с Германией, например, охватывает 68 научных центров в 47 городах. Это общие научные проекты, конференции, сотни совместных публикаций в престижных журналах... Немцы знают, что такое порядок. Когда наступает время уплаты взноса в Институт, Германия это делает без проволочек. Каждый год собирается специальный комитет, который всесторонне анализирует сотрудничество. На заседаниях учитываются мнения физиков, участвующих в программе исследований.

Подобный статус в Институте, который мы называем «ассоциированным членством», собираются приобрести Индия и Греция: соответствующие переговоры вступили в заключительную стадию. В последние месяцы интенсивно развиваются наши контакты с США. Недавно ОИЯИ посетила американская правительственная делегация во главе с заместителем министра энергетики Робертом Кардом. Мы подписали протокол о намерении интенсивно сотрудничать в области физики частиц и ядерной физики, используя для этой цели экспериментальные установки ОИЯИ и США. И хотя наше научное сотрудничество с американскими национальными лабораториями и университетами длится уже несколько десятилетий, сейчас здесь был сделан очень важный шаг вперед.

Наверно, на майской встрече двух президентов на российской земле новый этап в сотрудничестве США—ОИЯИ оценен по достоинству.

Я надеюсь. Думаю, что президент Путин может с полным основанием рассматривать наш Институт как эффективный инструмент для налаживания широкого международного сотрудничества в области фундаментальной физики. Кстати, он был избран на свой пост 26 марта, то есть в день рождения Института. И еще один факт, тоже символический: второго января 2000 года, в свой первый рабочий день в качестве исполняющего обязанности президента России, Владимир Владимирович подписал федеральный закон, который регламентирует отношения между ОИЯИ и страной его местонахождения.

Будем надеяться, что случайных совпадений не бывает, и президент России будет всегда с интересом следить за деятельностью международного научного центра, находящегося на берегу Волги...

Пока есть интерес к физике, наш журнал будет востребован¹

Из беседы с главным редактором издаваемого МАИК «Наука/Интерпериодика» журнала «Физика элементарных частиц и атомного ядра» академиком РАН Владимиром Кадышевским корреспондента «Известий» Лии Поздняковой

Владимир Георгиевич, особенностью Вашего журнала является то, что он издается международным научным центром — Объединенным институтом ядерных исследований.

¹ Газета «Известия», 6 декабря 2002 г.